

ЖИЗНЬ—В ТВОРЧЕСТВЕ

БЫЛ поздний вечер. Над Севастополем опрокинула темное звездное небо южная ночь. По улице торопливо шагал человек. Воротник пальто у него был поднят, фуражка надвинута на самые глаза. Там, где улицу выхватывал из ночи колеблющийся свет фонаря, человек невольно сутулился, стараясь остаться незамеченным, и выше поднимал борта пальто.

Дверь открыл сам хозяин квартиры Борис Александрович Бертельс, известный севастопольский режиссер. Из темноты коридора человек шагнул в освещенную комнату, поправил на голове черную поношенную кепку. Борис Александрович взглянул на вошедшего, медленно обошел вокруг стола. Потом спросил жавшуюся к его руке пятилетнюю внучку:

- Ленокка, кто этот дядя?
- Ленин.

Борис Александрович пошел на встречу гостю, крепко сжал его плечи.

— Ну что ж, я очень рад, Владимир Николаевич. Рад.

— Значит? — спросил гость и вдруг почувствовал, что от волнения там, на месте сердца, похолодело.

- Режиссер улыбнулся:
- Будем работать.

Утром Владимир Николаевич сидел в мастерской у театрального художника Николая Блинова. Сюда, в эту комнату, сходились все усилия первых творческих поис-

ков. На столе перед ним стояли ставшие уже ненужными три скульптурных бюста. Их вылепил Николай с его головы, чтобы попробовать грим. Владимир Николаевич до мельчайших подробностей помнил, как все это начиналось. Однажды после спектакля, измученный сомнениями, он пришел сюда, чтобы освободиться от них и поверить в себя или... или вообще от всего отказаться.

Николай молча выслушал. Глянул исподлобья, удивленно и недоверчиво, заходил по мастерской. А через минуту его умелые руки уже делали первую ильичевскую бородку. Потом, загоревшись, художник сбегал в костюмерную за кепкой.

Он надел ее немножко на бок, как носил Ильич. Николай долго разглядывал и, наконец, удивленный сказал:

— А знаешь, что-то есть.

Послали в Москву снимки. Ответ пришел скоро. Грим удачный, говорилось в нем, разрешаем артисту В. Н. Игнатову приступить к работе над образом Владимира Ильича Ленина.

В тот день он долго петлял по городу, стоял у моря. Оно накатывало на берег, вздыбленное, огромное, очень похожее на то, что творилось у него в душе. Еще недавно мечта казалась дерзостью. И вдруг она навалилась на него

своей великой тяжестью, рождающей радость и вдохновение. Воплощение образа вождя было делом огромной гражданской ответственности и колоссальной актерской трудности. Как мужественно и просто, без сентиментальности рассказать о самом зенитном изо всех прошедших по земле людей, передать глубокою человечность вождя, силу его мысли? Он был прост, как правда. И в этом была вся сложность.

В Музее В. И. Ленина в Москве он долго изучал знаменитые альбомы художника Васильева, часами просиживал над пластинками с записями речей вождя. Он научился двигаться по сцене стремительно, легко, как ходил Владимир Ильич, по-ильичевски за жилет закладывать руку. Снова и снова садился за ленинские труды, помогавшие постигать его живой характер.

ОН ЖДАЛ своего выхода на сцену. Опытный артист, сыгравший в театре много больших, трудных ролей, волновался, как новичок. Короткое появление Ленина нужно было насытить огромным внутренним содержанием. Передать радостный подъем всех душевных сил вождя, устремленных к свершению того, великого, чему он посвятил жизнь. Три коротких шага из-за кулис. И... всплеск аплодисмен-

тов, долгих, рвущихся из души, ему, Ильичу.

— Советская власть плюс электрификация, я думаю, это будет коммунизм, — говорит актер. Характерный ленинский жест, стремительное движение...

Зритель видит Ленина — мечтателя тех далеких и страстных лет, когда голодало Поволжье, когда стыли в бездействии паровозные топки... А он мечтал и верил... Так творчески мечтать мог только он.

ПЕРЕДО мной пожелтевший от времени листок бумаги. Вырезка из севастопольской газеты «Маяк коммуны» с рецензией на первый спектакль «Кремлевских курантов». С того далекого дня прошло четверть века. Годы, отданные образу Ленина, «Вечный источник» Л. Зорина, «Юность отцов» Б. Горбатова, «Незабываемый 1919» В. Вишневского, «Третья пагетическая» Н. Погодина и снова «Кремлевские куранты». Почти все они шли у нас в Белгороде и многие, очень многие помнят, как величествен и прост, задумчив и весел, добр и суров был в них Ленин в исполнении артиста Игнатова.

Я вспоминаю наш первый короткий разговор за кулисами во время антракта.

— Время, когда я работал над образом Ильича, я считаю лучшим

в моей жизни, — говорит Владимир Николаевич.

Лениниана. Она наложила отпечаток на всю его жизнь. Он считал, что образу Ленина может прикасаться человек с чистой совестью, и всегда оставался к себе строгим, требовательным. Глубокое преклонение перед величием революционного подвига вождя привело его в партию.

Владимир Николаевич спешит на заседание партийного бюро. Сейчас он секретарь парторганизации в нашем областном театре.

ШЕСТЬДЕСЯТ пять и сорок пять. Если эти даты меряют путь человека, то это много. Сорок пять лет назад двадцатилетнего студента политехнического училища потянула сцена. И больше не отпустила. Все эти годы он считал себя бойцом, несущим слово партии людям. Им он чувствует себя и сейчас, в дни своего шестидесятилетия.

В комнате, где мы сидим с Антониной Парфеновной Игнатовой, как-то по-особому уютно. Тихо. Раскидистая пальма у окна, низкая, мягкая зеленая мебель, много книг.

Перед нами на столе дипломы и Почетные грамоты, пожелтевшие афиши, снимки. У нас с Антониной Парфеновной разговор: пока Владимир Николаевич на репетиции, я

уговорила ее показать старые фотографии. Их много. И почти у каждой — своя история. Вот Игнатов—Молчалин из «Горе от ума», Скроботов из «Врагов» М. Горького, Борис из «Грозы» и Петр из «Леса» А. Островского, Фердинанд из спектакля «Коварство и любовь», Сахаров из «Порт-Артура», поручик Яровой, Пушкин, Аким из толстовской «Власти тьмы», Родриго из «Отелло»... Какой актерский диапазон!

Зазвонил телефон. Антонина Парфеновна поднимает трубку.

— Опять придет поздно, — говорит она, возвращаясь. — Репетиции, спектакли, выезды, встречи со зрителями. А общественная работа? Недавно Володю опять избрали партгором. Это в его-то годы! Но я за него рада. Он живет театром.

Она достает из шкафа книгу и красный пионерский галстук. Его Владимиру Николаевичу повязали ребята из восемнадцатой школы, куда он ездил на открытые ленинского уолка.

— Приняли в почетные пионеры, — говорит Антонина Парфеновна, — Володя любит бывать у ребят, рассказывать об Ильиче.

На Почетные грамоты и дипломы, давние фотографии ложится кусочек красного знамени, которым вчера соединили ребята два поколения.

И. ЧУЧЕРОВА.